

13. ГАТО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 69. Л. 97.
14. Там же. Оп. 3. Д. 156. Л. 75, 88, 142, 144.
15. Там же. Д. 592. Л. 12; Д. 7. Л. 78.
16. Доклад съезду заведующих губернскими карательными отделами по управлению делами ЦКО // ГАТО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 9, 16–17.
17. Джекобсон М., Смирнов М. Система мест заключения в РСФСР. 1917–1930. М., 1998 // Адрес в интернете: <http://NKVD//Gulag/artickls/navihtm>; Попов В. Д. Государственный террор в Советской России // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28; Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923. М., 1995. С. 87; Гиляров Е. М., Михайличенко А. В. Указ. соч. С. 169.
18. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 5. Д. 339. Л. 7, 27; Оп. 4. Д. 80. Л. 23.
19. Там же. Оп. 1. Д. 80. Л. 69 об. -71
20. ГАТО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 82. Л. 14-14 об, 15 об, 16, 19; Д. 94. Л. 4.
21. Гиляров Е. М., Михайличенко А. В. Указ. соч. С. 67.
22. ГАТО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 20. Л. 62, 76; Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 227–227 об.
23. Кудряшев В. Н. Правосознание сибирского крестьянства в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.): к постановке проблемы // По страницам истории и судьбы. Томск, 2001. С. 161.

Валентина Павловна ПЕТРОВА –
докторант ТГУ, кандидат исторических наук

Взаимодействие государства и кооперативной системы по восстановлению сельского хозяйства Урала в годы нэпа

УДК 947+957

АННОТАЦИЯ. Восстановление сельского хозяйства Урала в годы нэпа оказалось невозможным без привлечения сельскохозяйственной кооперации. В статье на материалах Уральского региона рассмотрены цели, формы и методы взаимодействия государства с кооперативной системой и его результат. Показан переход к концу 20-х годов к огосударствлению функций кооперации в аграрном секторе страны.

In Russia agriculture restoration took place in the days of New Economic Policy, agricultural co-operative societies playing a special role in this process. The aims, forms, methods of interaction between state and co-operative system of Ural region and the results of such interaction are considered in the article.

Сельскохозяйственные кооперативы возникли в дореволюционной России для реализации личных интересов крестьян как производителей сельскохозяйственной продукции, и в то же время для социальной защиты своих членов. В советской России кооперативное движение смогло начать свое возрождение лишь с переходом к новой экономической политике, так как оно тесно связано с рыночными товарно-денежными отношениями.

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 16 августа 1921 г. сельскохозяйственная кооперация была выделена из потребительской, получила права самостоятельности в организации производства, закупок, продажи сельскохозяйственных продуктов. Принятый декрет устанавливал, что население может создавать кооператив-

ные товарищества, артели, общества. Товарищества образовывались не менее чем из пяти хозяйств и объединялись в союзы.

Государство, восстанавливая кооперацию в деревне, предполагало с ее помощью решить многие задачи: содействовать подъему индивидуального хозяйства бедняков и середняков, развивать кредитование сельского хозяйства, организовать заготовку, сбыт и переработку сельскохозяйственной продукции, способствовать развитию коллективных хозяйств. В основе же процесса восстановления сельского хозяйства в этот период была опора на хозяйственного старательного крестьянина, который при поддержке кооперации и государства сможет восстановить свое индивидуальное хозяйство после разрухи, и это приведет к восстановлению сельского хозяйства страны в целом.

На Урале, то есть на территории Уральской области, которая была образована в 1923 г. из Екатеринбургской, Пермской, Челябинской, Тюменской губерний, в первые годы нэпа получили значительное распространение кредитные, сельскохозяйственные, машинные товарищества, молочно-маслодельные артели. Такие кооперативные объединения способствовали экономическому и культурному подъему крестьянских единоличных хозяйств. В условиях нэпа изменялись методы хозяйственной деятельности кооперации, восстанавливались паевые и вступительные взносы, материальная заинтересованность членов, хозрасчет.

В первые годы приступить к обслуживанию крестьянского населения Урала кооперация в полной мере не смогла. Сложным был процесс создания союзов, а принадлежавшее ранее кооперации имущество не было ей возвращено. В первые месяцы в деятельности всех союзов кооперации сказывалось отсутствие подготовленных кадров, а государственные земельные органы не могли оказать им действенной помощи. В Екатеринбургской губернии в 1922 г. райсоюзы кооперации не имели материальных средств, машин сельскохозяйственных орудий для помощи населению [1]. В Пермском губсельсоюзе собственных средств было только 9 руб. [2]. В Тюменской губернии губернский союз сельскохозяйственной кооперации смог образоваться лишь в 1922 году.

Выйти из тяжелого положения союзам кооперации помогло государство. Формы такой помощи были различны. Пермскому союзу выделялись денежные средства на семена, Екатеринбургскому сельсоюзу было отпущено 1,5 тыс. пудов овса, 4 тыс. пудов проса, 21 вагон пшеницы «американка» [3]. Тюменскому губсельсоюзу удалось провести ряд удачных операций в Москве и на Нижегородской ярмарке, благодаря этому на его складах появились товарные запасы, а на счетах — денежные средства [4].

Таким образом, начать снабженческо-сбытовую работу кооперация смогла, лишь получив финансовую поддержку государства. В условиях нэпа финансирование кооперации шло на хозрасчетных началах, государство предоставляло ссуду. Это способствовало развитию у первичных кооперативов и союзов хозяйственной инициативы, предприимчивости, самостоятельности.

Работа кооперативных организаций была направлена на подъем хозяйства своих членов. Губсоюзы, уездные и районные союзы, первичные кооперативы снабжали крестьян сельскохозяйственными орудиями, лошадьми, семенами, заготавливали зерно, мясо, овощи. Челябинский райсельпромсоюз в 1923 г. распределил через кооперативы пшеницы 18,9 тыс. пудов, овса 26,5 тыс. пуд., гороха 3450, гречихи 920 пудов [5]. Хороший урожай 1922 г. позволил в Тюменской губернии преодолеть последствия голода 1921 г. При союзе кооперации был создан семенной фонд, из него под посев 1923 г. было выдано более 10 тыс. пудов государственных и 56,8 тыс. пудов кооперативных семян [6].

Важным направлением снабженческой работы сельскохозяйственной кооперации Урала была продажа крестьянам сельскохозяйственных машин и орудий, без чего невозможен был подъем производительных сил сельского хозяйства. Екатеринбургский союз в 1922 г. распределил среди населения 275 сельхозорудий и закупил машин и орудий на 2,5 тыс. рублей [7]. Тюменский усельхозсоюз распределил в 1921 г. 76 плугов, 8 молотилок, 425 серпов [8]. В Ялуторовском уезде кооперативы в 1922 г. распределили между хозяйствами более 880 сельскохозяйственных машин и орудий, а также взяли в аренду 6 прокатных пунктов [9]. В Ишимском уезде было организовано 43 прокатных пункта, обслуживающих все население уезда [10]. Снабжение крестьянских хозяйств орудиями и семенами шло неравномерно и зависело от возможностей того или иного союза. Государство было заинтересовано в том, чтобы выгоду от кооперации получали в первую очередь хозяйства бедняков. С этой целью, например, при пользовании прокатными пунктами устанавливались льготы для бедноты, это ставило в невыгодное положение более зажиточных членов кооперации.

В 1924–25 годах снабжение крестьянских хозяйств сельскохозяйственными орудиями и машинами значительно улучшилось, большую роль в этом стали играть первичные кооперативы. Образцовые сельскохозяйственные товарищества имели прокатные и сортировочные пункты, продавали крестьянам плуги, сеялки, сенокосилки, молотилки, тракторы. В 1924 г. в 6 округах Уральской области было распределено 8 тыс. сельскохозяйственных орудий, а всей системой сельскохозяйственной кооперации Урала было продано сельхозмашин на сумму 200 тыс. рублей [11].

Значительная роль в снабжении крестьянских хозяйств машинами отводилась прокатным пунктам. В Ишимском округе было организовано 126 прокатных пунктов, где имелось 600 штук машин, в Тюменском округе действовало 48 пунктов [12]. В то же время обеспеченность крестьянских хозяйств Урала машинами и сельскохозяйственными орудиями была ниже, чем в целом по РСФСР. Нагрузка на единицу пахотных орудий была в 2 раза больше, чем в других районах страны [13]. В этих условиях роль кооперации по обеспечению хозяйств средствами производства была весьма существенной, способствуя повышению производительности труда в крестьянском хозяйстве и росту его товарности.

По мере восстановления сельского хозяйства в снабженческой работе кооперации увеличивался удельный вес сложных сельскохозяйственных машин, особенно тракторов. В 1923 г. сельское хозяйство Урала получило 7 тракторов, в 1924–61, в 1925–335, в 1926–650 тракторов. Большая часть их была распределена через сельскохозяйственную кооперацию, включая колхозы. Постепенно возрастала роль машинных товариществ в снабжении деревни тракторами, в 1926 г. в них находилась четвертая часть всех тракторов [14]. С 1927 г. основная масса тракторов стала поступать в колхозы и совхозы, а в единоличные хозяйства тракторы не продавались. Решения государственных органов были направлены на то, чтобы предоставить исключительное право покупки тракторов кооперированным бедняцким хозяйствам. Таким образом государство использовало избирательное машиноснабжение деревни для вовлечения крестьян в коллективные формы хозяйствования, а для кооперативной системы это явилось ограничением ее хозяйственной самостоятельности.

Товарность крестьянского хозяйства во многом зависела от возможности продать свою продукцию, заготовку сельхозпродукции государство предоставило кооперативной системе. За 1924 г. сельскохозяйственная кооперация Урала заготовила 3 млн. пудов зерна, 200 тыс. пудов мясопродуктов, 300 тыс. пудов масла, 37 тыс. пудов пера и пуха [15]. В 1925–26 г. удельный вес сельхозкооперации Уральской области в плановых заготовках хлебофуража составил 36,2%, клевера — 76, мясо-

продуктов — 40, яйца — 31, масла — 59,4 процента [16]. В 1926–27 г. доля кооперативных организаций в хлебозаготовках составила 31,9%, клевера — 100, мяса — 45, яйца — 50,2 процента [17]. В 1927/28 г. удельный вес системы сельскохозяйственной кооперации Урала в сбыте продукции сельского хозяйства составил по хлебофуражу 36,3%, клеверу — 100%, мясопродукции — 41%, яйцу — 60 процентов [18]. С 1928 г. кооперация стала вести заготовку и сбыт продукции сельского хозяйства по государственному плану, что лишило кооперативную систему самостоятельности. Законодательная, налоговая, финансовая политика государства сделала кооперативы фактически частью государственного сектора экономики.

Сельскохозяйственная кооперация стала охватывать наиболее товарные отрасли крестьянского хозяйства. Вместе с тем следует отметить, что достигнутые результаты не отражали имеющихся возможностей кооперативной системы. Кооперативы укрепляли хозяйственные связи с крестьянами через материальную заинтересованность в форме доплат за сдаваемую продукцию. Только за 1926/27 г. крестьянам Уральской области было выдано 648,5 тыс. рублей [19]. Снижение материальной заинтересованности крестьян в работе кооперации вызвало падение интереса к кооперации, что и произошло в конце 20-х годов. Влияние государства на такие кооперативные принципы, как добровольность членства, паевые и вступительные взносы, материальная заинтересованность не только отрицательно сказывалось на деятельности кооперации, но отражалось на активности участия крестьян в сельскохозяйственных кооперативах.

Экономические условия развития сельского хозяйства потребовали восстановления и кредитных функций кооперации. 24 января 1922 г. был принят декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О кредитной кооперации», на основе которого разрешалось создание кредитных кооперативов и проведение кредитных операций в деятельности всех объединений.

В первые годы нэпа губернские и районные союзы сельскохозяйственной кооперации имели ограниченные средства, но, понимая необходимость развития кредитных операций для подъема сельского хозяйства, проводили по мере возможности кредитование кооперативов и хозяйств. Так, Челябинский райсельпромсоюз в 1923 г. выдал ссуды сельскохозяйственным товариществам 10 тыс. руб., маслоартелям — 7 тыс. руб., коммуна — 5 тыс. рублей [20]. Тюменский губсельсоюз проводил в 1922 г. работу по распределению государственной ссуды среди населения, в первую очередь беднейшего, на закупку лошадей, кроме этого выделил 80,6 тыс. руб. ссуды для членов кооперативов [21]. Ссуда выдавалась из расчета 6% годовых с погашением до 15 ноября 1924 г., то есть почти на 2 года, что было очень важно, так как одним из недостатков кредита в этот период была его краткосрочность.

1 июня 1923 г. был открыт Уральский областной сельскохозяйственный банк, имевший отделения в Перми, Челябинске, Кургане, Шадринске, Ирбите, Кунгуре, Троицке, Ишиме. Банк выдавал ссуды на рабочий и племенной скот, восстановление маслоделия, сельхозинвентарь, семена, в основной капитал кооперативам. Развертыванию хозяйственной деятельности кооперативов способствовала экономическая помощь, оказываемая губернскими и уездными земуправлениями, отделениями государственного банка. С открытием отделений сельскохозяйственного банка первичные кооперативы получили возможность иметь постоянный кредит. Общее число учредителей паев Тюменского отделения Уральского сельхозбанка составляло 1250, из них сельскохозяйственной кооперацией было взято в 1923 г. 372 пая [22].

Сельскохозяйственный кредит играл существенную роль в развитии сельского хозяйства. Советское государство при содействии кооперативных организаций с помощью кредита регулировало социально-экономические процессы в деревне.

Кредит поставлялся в основном в маломощные крестьянские хозяйства или в кооперативы. Роль кооперации в кредитовании деревни постепенно повышалась, если в 1924 г. через сельскохозяйственные кооперативы и союзы прошло 61% кредитов, то в 1925 г. уже 70 процентов [23]. В 1926/27 г. крестьянам Урала был предоставлен кредит в 11,1 млн. руб., а в 1927/28 г. — 12,3 млн. рублей [24]. Постепенно на Урале улучшались условия кредитования с тем, чтобы сделать его более доступным для бедных крестьян. С этой целью минимальный срок сокращался до 3-х месяцев, до 2–3 лет увеличивался для целевых кредитов, снижался процент по целевым кредитам.

Из общей суммы ссуд, выданных сельскохозяйственным банком кооперативам Урала, беднота получила 18%, середняки — 76%, а зажиточные — 6% [25]. Кредитная политика государства была направлена прежде всего на защиту интересов беднейших слоев населения. Эти категории крестьянства, получив помощь от кооператива, могли быстрее развивать свое хозяйство, чем некооперированные крестьяне. Таким образом, создавались условия для укрепления крестьянского хозяйства.

Развитие крестьянской кооперации Урала характеризовалось наличием противоречия между организационным и хозяйственным ростом ее и слабым развитием кооперативной самостоятельности крестьянского населения. Доля крестьянских средств в кооперации была невелика, это вполне объясняется преимущественно бедняцким и середняцким составом кооперативов и политикой советского государства, которая была направлена на регулирование социального состава и характера деятельности кооперации. Классовая направленность деятельности кооперации затрудняла привлечение средств зажиточной части крестьян. Государство частично компенсировало слабое привлечение крестьянских средств и стремилось не допустить экономического влияния зажиточного крестьянства на кооперацию. Для облегчения условий вступления бедноты кооперативы записывали взносы и пай как долг, поэтому образовывался недостаток средств. Отсутствие оборотных средств тормозило снабженческо-сбытовую деятельность кооперации. Для всей кооперативной системы Урала были характерны постоянные финансовые трудности, а недостаток финансовых средств вынуждал идти по пути торговой деятельности, при этом преобладал уклон в сторону торговли потребительскими товарами. В торговом обороте сельскохозяйственной кооперации Урала в 1924/25 г. торговля потребительскими товарами составляла 57%, что свидетельствовало о недостаточном выполнении кооперацией задач обслуживания производственных нужд сельского хозяйства.

Во второй половине 20-х годов сельскохозяйственная кооперация на Урале получила значительное распространение. На 1 октября 1925 г. всех видов сельскохозяйственных кооперативов насчитывалось 3105, на 1 октября 1926 г. — 3473, на 1 октября 1927 г. — 4203, в них соответственно было объединено 398,4 тыс., 440,1 тыс. и 481,4 тыс. крестьянских хозяйств (26). В 1928/29 г. в 11 тыс. различных кооперативах было объединено 833 тыс. хозяйств [27]. Однако темпы кооперирования населения замедлились. Система, опирающаяся под влиянием политики государства на бедняцкие и середняцкие хозяйства, испытывала серьезные трудности с привлечением паевого капитала, медленно развивались вкладные операции, сохранялась постоянная задолженность членов кооперации. Финансовое состояние окружных союзов кооперации было различным, из 21 союза Уральской области к союзам финансово устойчивым относились следующие: Курганский, Ишимский, Челябинский, Камышловский, Ирбитский, Миасский, Тобольский, Свердловский.

Политика государства, направленная на восстановление сельского хозяйства с привлечением сельскохозяйственной кооперации себя оправдала, произошло восстановление сельскохозяйственного производства на Урале. В то же время в 1927 г.

уровня 1916 г. достичь не удалось. Площадь посевных площадей составляла 94% от уровня 1916 г., количество лошадей — 87% [28]. Дальнейшее развитие сельского хозяйства требовало решения многих проблем, в том числе вопросы землеустройства, механизации сельскохозяйственных работ, кредита, налогов. В 1928 г. в Уральской области количество скота в крестьянских хозяйствах сократилось на 135 тыс. голов, а посевные площади на 315 тыс. га [29]. Площадь посевных площадей в 1928 г. составила лишь 90% от уровня 1916 года [30]. Возможности восстановления индивидуального крестьянского хозяйства на Урале в условиях нэпа были исчерпаны. В этих условиях изменилась и политика государства по отношению к кооперации.

В сельскохозяйственной кооперации Урала в годы нэпа, как и в целом по стране, были представлены различные слои крестьянства, но при этом около 90% бедняки и середняки, доля которых постепенно возрастала. Этому способствовала практика создания фондов кредитования беднейшего населения и коллективных хозяйств. Льготное кредитование приводило к поддержке социалистических элементов в деревне, падению кредитной дисциплины и распространению собесовских настроений. Одновременно в конце 20-х гг. в сельскохозяйственной кооперации Урала усилилось вытеснение зажиточных крестьян.

В октябре 1928 г. состоялось 4-е областное совещание союзов кооперации при Уралсоветсоюзов, на котором были специально рассмотрены задачи кооперирования бедноты. Особое внимание было уделено ликвидации лжекооперативов, с учетом их социального состава. При этом указывалось, что «после обновления социального состава членов кооператива необходимо производить перевыборы управленческих организаций с обеспечением руководящей роли бедноте и середнякам»; крестьян, вошедших в кооперацию с целью личной наживы, предполагалось привлечь к судебной ответственности [31].

Реальные экономические последствия такой политики в 20-е годы не анализировались. Государственная политика поддержки маломощных слоев деревни приводила к тому, что финансовое положение самих кооперативов было неустойчивым, а денег у государства для помощи кооперации не хватало. Доля крестьянских средств в обороте была столь мала, что кооперативы были в сильной финансовой и материальной зависимости от государственного финансирования и не имели достаточных собственных капиталов. Это приводило к тому, что кооперативная система работать как самостоятельная не могла, а финансовая политическая зависимость от государства позволяла проводить политику регулирования социального состава и направлений деятельности сельскохозяйственной кооперации. Зависимость кооперативной системы от государства позволила в конце 20-х гг. сравнительно легко ее реорганизовать и заменить кооперативы коллективными хозяйствами.

Уровень самостоятельности и самодеятельности крестьян в кооперации влияет не только на качество функционирования кооперативной системы, но и на эффективность сельскохозяйственного производства индивидуального крестьянского хозяйства, его мощь. Организационное, правовое, политическое, финансовое вмешательство государства, с одной стороны, поддерживало кооперативную систему и индивидуальные крестьянские хозяйства, а с другой стороны, привело к тому, что кооперация Урала в годы нэпа не смогла стать самостоятельной частью рыночного хозяйства и восстановить свой дореволюционный уровень.

Сельскохозяйственные кооперативы, даже в условиях начавшегося в 1929 г. активного строительства колхозов, оставались наиболее популярными у уральских крестьян. В октябре 1929 г. в 3485 колхозах Уральской области было объединено 94,5 тыс. крестьянских хозяйств, в то время как в 7435 сельскохозяйственных, полеводческих, семеноводческих, плодоовощных, молочно-маслодельных, животно-

водческих, машинных, мелиоративных и других видов кооперативов входило 778335 крестьянских хозяйств [32].

В течение 1928–29 гг. на Урале была проведена специализация кооперативных союзов. Вместо общего союза сельскохозяйственной кооперации было создано 9 областных союзов: Уралкоопхлебсоюз, Уралсеменоводсоюз, Ураловощеводсоюз, Уралживотноводсоюз, Уралмаслосоюз, Уралптицеводсоюз, Уралсельмашсоюз, Уралколхозсоюз, Уралсоюзсоюзов. В 16 округах Уральской области было образовано с учетом отраслей сельского хозяйства 65 окружных союзов, в их числе 15 универсальных, 8 сельхозмашинных, 9 полеводческих, 7 животноводческих, 9 маслодельных, 12 колхозных [33].

Таким образом, к концу нэпа была создана специализированная система сельскохозяйственной кооперации в соответствии с отраслями индивидуального крестьянского хозяйства, направленная на его развитие. Государственная же политика в этот период ориентиром избирает не индивидуальное крестьянское хозяйство, а колхозное производство. И деятельность сельскохозяйственной кооперации по подъему крестьянского хозяйства, по повышению его товарности становится неприоритетной. Перед кооперативными организациями четко ставится задача — способствовать коллективизации села. Решение этой задачи фактически приводило к устранению сельскохозяйственной кооперации из деревни. Кооперация сыграла свою роль в восстановлении разрушенного войнами и революцией сельского хозяйства страны, и больше государство в ней не нуждалось. Формально колхозы тоже являлись кооперативами, но фактически создавались, управлялись и действовали как государственные организации. Кооперативные принципы, на которых работала кооперативная система, в тех условиях в колхозах сохраниться и действовать не могли.

27 июня 1929 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации», в котором определялось, что структура и методы работы сельскохозяйственных кооперативов и их союзов «должны быть приспособлены к задачам производственного кооперирования и коллективизации крестьянского населения» [34]. В основе организационного строительства кооперации было положение о создании на основе контрактации массовых форм производственных кооперативов и строительстве крупных колхозов. В каждом районе предполагалось создать специализированные кооперативные союзы по отраслям сельского хозяйства. Снабжение крестьян средствами производства передавалось производственно-сбытовым районным объединениям. Снабжение товарами домашнего потребления, хозяйственным инвентарем, стройматериалами передавалось потребкооперации или государственным заготовительным органам.

В соответствии с решениями ЦК Уралобком 3 сентября 1929 г. постановил перестроить работу кооперации так, чтобы она «способствовала широкой организации бедняцко-средняцких масс для борьбы с кулачеством и преодолению его сопротивления мероприятиям по социалистическому переустройству сельского хозяйства» [35]. Была поставлена задача перевести простейшие производственные объединения в коллективные хозяйства. Оснований для такого перехода в кооперации не было, колхозы играли в ней несущественную роль, и никакого перехода от низших форм кооперации в высшие в практической деятельности не происходило и не могло происходить.

В ноябре 1929 г. с переходом к массовой коллективизации система специализированных сельскохозяйственных союзов заменялась колхозсоюзами. Решением Уралобкома от 19 февраля 1930 г. к 1 марта 1930 г. во всех округах Уральской области, за исключением Тобольского, Верхне-Камского, Коми-Пермяцкого необходимо было создать райколхозкоопсоюзы, подчинив их Уралколхозсоюзу [36]. Систе-

ма сельскохозяйственной кооперации лишалась возможности вести заготовку и сбыт сельскохозяйственной продукции, кредитования снабжения крестьянских хозяйств. Во всех видах кооперации зажиточные крестьяне с началом коллективизации лишались права голоса. 7 апреля 1930 г. специальным постановлением ЦК подтвердил, что все решения от 27 июня 1929 г. остаются в силе. Решения центральной власти обязательно выполнялись местными партийными и хозяйственными органами.

Летом 1930 г. реорганизация колхозно-кооперативной системы на Урале продолжилась, существующие райколхозкоопсоюзы были преобразованы в районные колхозные союзы, которым передавался персонал, финансы, помещения, оборудование и предприятия сельскохозяйственной кооперации. Процесс ликвидации кооперативной системы на Урале затянулся, но к ноябрю 1930 г. был закончен. В марте 1931 г. постановлением СНК СССР был упразднен Союз союзов сельскохозяйственной кооперации и закрыты все специализированные центры, а их функции передавались Наркомату земледелия и Наркомату снабжения.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 1833. Оп. 1. Д. 38. Лл. 163–169.
2. ГАПО (Государственный архив Пермской области). Ф. 66. Оп. 1. Д. 39. Л. 11.
3. ГАСО. Ф. 1833. Оп. 1. Д. 1. Л. 98.
4. ГАТО (Государственный архив Тюменской области). Ф. 173. Оп. 1. Д. 68. Л. 19–20.
5. Обзор сельскохозяйственной кредитной кооперации Челябинского округа Уральской области. Челябинск, 1925. С. 21.
6. ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 77. Л. 22.
7. ГАСО. Ф. 1833. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.
8. Отчет Тюменского уисполкома. Тюмень, 1921. С. 42.
9. Трудовой набат. 1922. 18 ноября.
10. Ишимский филиал ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 37. Л. 9.
11. Посчитано по данным: Вестник сельскохозяйственной кооперации. 1924. № 24. С. 44; Отчет Кунгурского окрисполкома за 1924–25 г. С. 117; Отчет о работе Свердловского окрисполкома за 1923–24 г. Свердловск, 1925. С. 40; ГАЧО (Государственный архив Челябинской области). Ф. 229. Оп. 1. Д. 21. Л. 139; ГАПО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 140. Л. 42.
12. Уральский рабочий. 1925. 28 апреля.
13. История народного хозяйства Урала. Свердловск, 1988. Т. 1. С. 66.
14. Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале. Свердловск, 1929. С. 16.
15. Отчет Уральского облизполкома о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5 съезду Советов Уральской области. Свердловск, 1925. С. 78.
16. Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале. С. 59.
17. ЦДООСО (Центр документации общественных объединений Свердловской области). Ф. 4. Оп. 6. Д. 32. Л. 51об.
18. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 4106. Оп. 3. Д. 1480. Б/л.
19. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 32. Л. 52.
20. Обзор сельскохозяйственной кредитной кооперации Челябинского округа. С. 21.
21. Трудовой набат. 1922. 26 декабря; Трудовой набат. 1923. 14 ноября.
22. Краткий отчет о деятельности Тюменского губисполкома за 1922–23 г. С. 53.
23. Политическое и хозяйственное состояние области и работа партийных организаций Урала: Отчет Уралобкома РКП(б) 7 Уральской областной партконференции. Свердловск, 1925. С. 22.
24. Год социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1929. С. 5.
25. Отчет Уральского облизполкома 5 Съезду Советов Уральской области. Свердловск, 1925. С. 75.

26. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 32. Л. 44.
27. История народного хозяйства Урала. Т. 1. С. 119.
28. ГАОПОТО (Государственный архив общественно-политических объединений Тюменской области). Ф. 3. Оп. 1. Д. 721. Л. 60.
29. Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1929. С. 392-393.
30. Социалистическое строительство на Урале за 15 лет. Свердловск, 1932. С43.
31. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 351а. Л. 127об.
32. ГАСО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 175. Л. 36, 39.
33. Там же.
34. ГАОПОТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1147. Л. 38.
35. ЦДООСО. Ф. 4 Оп. 7. Д. 30. Л. 7.
36. ГАОПОТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1080. Л. 24.

Игорь Геннадьевич ШИШКИН —
доцент кафедры документоведения,
историографии и источниковедения
факультета истории и политических наук,
кандидат исторических наук

К вопросу о влиянии Золотой Орды на развитие российской государственности XIII–XV вв. (тенденции и направления в современной исторической науке)

УДК 947+957:321

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена раскрытию основных тенденций в новейшей отечественной исторической науке по вопросу о влиянии Золотой Орды на развитие средневековой российской государственности.

The article is devoted to the investigations of main tendencies in the contemporary Russian historical sciences on the problems of Golden Horde's influence on the development of the Russian state system in Middle Ages.

В условиях формирования новой концепции российской государственности и поиска новой национальной идеи актуальным становится внимание к истокам и генезису государственной структуры, традициям государственного обустройства. В поисках традиций строительства российской государственности внимание научной общественности приковывается к ключевым, определяющим моментам исторического пути России.

Период монгольского нашествия и золотоордынского владычества — один из значимых периодов, повлекших за собой структурные изменения в российском социуме. Проблема ордынского влияния на процесс становления российской государственности обозначилась еще на рубеже XVIII–XIX вв. и с тех пор не выпадала из поля зрения исследователей, хотя и оставалась нежеланной темой. Либерализация общественной жизни начала 1990-х годов, отказ от жестких методологических схем обострили интерес к теме и породили к жизни новые суждения и трактовки о влиянии Орды на политическую систему Руси. Исследование проблемы выявило целый ряд аспектов, которые нуждаются в систематизации, анализе и дальнейшем осмыслении. Среди них: выявление научных школ и направлений, исследовавших